

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КАК ОСНОВА ПРОБЛЕМАТИКИ ПЕРВОЙ КНИГИ «ГОСУДАРСТВА» ПЛАТОНА

При всей сложности и спорности соотношения политики и этики в работе Платона «Государство» почти бесспорным до сих пор признается лишь то, что первая книга этого труда посвящена если не исключительно, то преимущественно выяснению справедливости как этической категории и имеет только косвенное отношение к проблеме идеального государства. На этом основании некоторые исследователи склонны «отлучить» ее от остальной части «Государства» и рассматривать как самостоятельный диалог, содержание которого не связано непосредственно с остальными книгами. Первую книгу относят к числу ранних диалогов Платона, считая, видимо, ее недостаточно зрелой по мысли и мастерству изложения¹.

Задачей настоящей статьи является попытка доказать, что первая книга «Государства», представляя собой органическую часть целого, связана самым непосредственным образом с проблемой создания совершенного государства. Центральное место в ней отведено не разработке этического понятия справедливости, как это единодушно признается до сих пор, а установлению истинного принципа, которым должна руководствоваться в своей деятельности власть, претендующая на титул справедливой. Теоретическая часть первой книги начинается с обсуждения выдвинутого от имени Полемарха «классового» принципа, согласно которому политическая деятельность должна осуществляться в интересах части общества. Справедливость в деятельности власти, по мнению Полемарха, заключается в том, чтобы действовать в интересах своей партии, общественной группы («друзей»), борясь с ее политическими противниками («врагами»). «Искусство справедливости» — это искусство приносить друзьям пользу, а врагам причинять вред².

Но правомерно ли понимание «друзей» и «врагов» как социальных категорий, а «искусство справедливости» как деятельности власти? Полагаем, что на этот вопрос может быть с полной определенностью дан положительный ответ. Во-первых, греческое слово «philos» означает не только «друг», но «союзник», «сторонник». Во-вторых, друзья и враги в личном смысле представляют собой категории слишком неустойчивые, аморфные, допускающие взаимопереходы и множество оттенков качества. Говорить о «войне» между ними³ можно только понимая под «philoi» и «echphroi» социальные организованные группы с устойчивой структурой отношений. В-третьих, если «philoi» и «echphroi» — личные друзья и враги, то куда они исчезают в «мирное время»? Почему в «мирное время» для «справедливого человека» исключается возможность делать своим личным друзьям добро и чинить неприятности врагам? Очевидно, речь идет о борьбе достаточно стабильных противостоящих сил, которая при каких-то условиях может и прекратиться.

В таком случае «искусство справедливости» (techne dicaiosyne) должно означать политическое искусство. То, что имеется в виду не этическая область, а сфера профессиональной деятельности, подтверждается многократными сопоставлениями искусства справедливости (иногда в этом смысле употребляется просто слово «справедливость») с другими профессиями: медицинской, кораблевождением, кулинарией и т. д. (332, 333, 341, 346 и др.). Лицо, занимающееся политической деятельностью, именуется «справедливым человеком» (dicaios). Только в качестве специалиста — профессионального политика (государственного деятеля) — можно рассматривать «справедливого человека» в одной плоскости с другими специалистами: врачами, музыкантами и проч. Такое сравнение было бы нелепо, если в данном случае под «справедливым человеком» понимать обладателя известных моральных качеств, ибо эти качества не исключаются наличием специальных познаний и могут в полной

мере присутствовать у врачей и музыкантов. Исключение сравниваемых со справедливым человеком специалистов из зоны моральных свойств и оценок дает основание полагать, что имеется в виду не моральная, а профессиональная сторона деятельности личности. Понятие «справедливое» и «несправедливое» относится к оценке принципа, определяющего характер деятельности специалиста-политика.

Для окончательной уверенности, что речь идет о роли политического деятеля в борьбе внутрисоциальных группировок, а не о роли военачальника в борьбе с внешними противниками, следует разобраться в характере «войн» и «сражений», участие в которых составляет смысл профессиональной деятельности «справедливого человека» (332 е). Перевод слова «*prospolemeo*» как «воевать» не является единственно возможным, оно означает также «бороться» в широком смысле. Равным образом «*simmacheo*» значит не только «вместе бороться, помогать в битве», но и вообще «помогать», «содействовать». Таким образом, фраза *En to prospolemein cai en to xummachein* с не меньшим основанием допускает перевод: «В борьбе (против одних), помогая (другим)», что вполне совместимо со значением политической борьбы.

Правда, в работе есть высказывание, которое на первый взгляд можно принять за косвенное подтверждение правомерности традиционного варианта перевода. Платон разделяет «два названия — война (*polemos*) и раздор (*stasis*)» (470 в). И далее поясняет: «Это два разных (проявления), зависящие от двух видов разногласий (*diaphora*). Двумя я считаю их вот почему: одно — среди своих и близких, другое — с чужими, с иноземцами. Вражда (*echphora*) между своими стала называться раздором (*stasis*), а между чужими — войной (*polemos*)». Этим разграничением Платон якобы подтверждает, что под термином «*polemos*» он понимает внешнюю войну (не только по отношению к данному полису, но и по отношению к эллинам вообще; войну с варварами), внутренние же раздоры (внутриполисные и внутриэллиньские) он называет «*stasis*». Но далее из контекста с полной очевидностью следует, что это разграничение относится только к вооруженной борьбе: к войне между полисами или к кровавым мятежам внутри полиса, с одной стороны, и войнам между греками и варварами — с другой. К мирной политической борьбе разграничение этих терминов не имеет никакого отношения. Для обозначения бескровной борьбы политических противников Платон, как видно, считал неподходящим слово «*stasis*», в котором больше духа бунта и мятежа, или «*echphora*», в котором не столько чувствуется борьба, сколько вражда и ненависть, предпочтя им «*polemos*».

Следовательно, с терминологической точки зрения ничто не препятствует нам понимать «*prospolemeo*» и «*simmacheo*» в плане политической борьбы. А логический анализ ряда положений «Государства» в связи с ясно выраженными убеждениями Платона многократно подтверждает безошибочность такого понимания. Под «справедливым человеком» нельзя понимать военного специалиста, поскольку последний нужен и в «мирное время», чтобы обеспечивать военную подготовку граждан. Платон ведь ни в один период своей жизни не был пацифистом. «Государство» и «Законы» недвусмысленно свидетельствуют о его уверенности в непреходящей ценности военного искусства. Нигде он не сделал намека, что мыслямо наступление такого времени, когда государство избавится от необходимости защищать себя. Если предположить, что под врагами подразумеваются внешние враги, то утверждение Сократа, что им нельзя ни под каким предлогом вредить, будет абсурдным (335). Кроме того, по отношению к внешним врагам даже умозрительно нельзя провести отбор «хороших» на свою сторону, «плохих» — на сторону противника (334 с).

Полемарховский принцип деятельности власти в интересах части общества (друзей) Сократ отвергает как неприемлемый ввиду его теоретической несостоятельности. Дурные социальные последствия применения принципа (антагонизм, хроническая нестабильность общества), хотя

и являются основной причиной его отрицания, не выступают в качестве аргумента, так как Сократу важно доказать логическую порочность, «ненстинность» принципа самого по себе, не апеллируя к последствиям. Доказывается это следующим образом. Каждая профессия (techne) как сумма знаний и навыков имеет свое назначение: ведь всякое искусство существует, чтобы производить что-то полезное и нужное для людей (341 д).

Поварское искусство нужно, чтобы готовить вкусную пищу; медицина — чтобы восстанавливать и поддерживать здоровье. Допустим, что государственное искусство призвано по своей природе приносить пользу своему классу и вредить классовым врагам (332 с-д). Но приносить пользу и причинять вред можно при помощи любого знания. Каждый специалист посредством профессиональных знаний при желании может в своей области приносить не только пользу, но и вред. Однако не эта способность является истинным содержанием специальности. Хотя многие знания могут явиться средством ведения борьбы, они по своей природе существуют не для борьбы.

Каков же комплекс знаний, при помощи которого государственный деятель (политик) может приносить пользу своим сторонникам и вред противникам? Полемах отвечает, что содержанием государственного искусства является именно наука политической борьбы. Чтобы установить, так ли это, надо определить истинную область применения государственного искусства, ибо границы служения искусства, определяемые объемом потребностей предмета, которому оно служит, определяют объем и содержание профессиональных знаний.

Например, истинной сферой врачебного искусства является не борьба и не меть классовым врагам, а лечение больных. Поскольку за пределами болезней медицина не нужна, ее назначение ограничивается сферой врачевания. Поскольку искусство кораблевождения за пределами потребностей мореплавания не нужно, нетрудно определить его истинную направленность, границы деятельности и объем специальных знаний кормчего (332 d, e).

Применяя эту методологию к установлению содержания государственной деятельности, Сократ утверждает, что искусство политической борьбы не есть истинное ее содержание. Возможность при помощи государственного искусства вести политическую борьбу определяет подлинное его назначение ничуть не больше, чем, скажем, возможность применить в качестве орудия борьбы врачебные или навигационные познания, которые определяют назначение медицины или кораблевождения. Доказывает он это с согласия оппонентов, исходя из предпосылки, что потребность в государственном искусстве будет существовать вечно, даже тогда, когда не будет классов и классовой борьбы. «Справедливость нужна и в мирное время» (333 а). Но если предположить, что государственное искусство тождественно искусству политической борьбы и исчерпывается им, то зачем оно нужно обществу, в котором такая борьба отсутствует? Чем был бы полезен обществу, которому нужен специалист по управлению, мастер и знаток тонкостей политической борьбы? В качестве такового он не мог бы участвовать в решении производственно-экономических вопросов (333 в, с). Разве что поручить ему хранение государственной казны? Но и казну доверить ему было бы опасно, так как он, будучи специалистом интриги, обмана, ложного маневра — всего того, что составляет содержание искусства политической борьбы, — мог бы на этом посту использовать свои профессиональные знания и нанести ущерб финансам (333 d, e, 334 а, в).

Таким образом, поскольку искусство управления обществом будет необходимо всегда, а искусство политической борьбы в неантагонистическом обществе не только совершенно бесполезно, но и решительно вредно, и поскольку всякое искусство определяется пользой, то, значит, истинное государственное искусство не может отождествляться с искусством политической борьбы. Исходя из этого, принципом справедливой го-

сударственной деятельности не может быть властвование в интересах части общества при одновременном подавлении другой ее части, что предполагает признание в качестве основного содержания государственного искусства именно науку (мастерство) политической борьбы.

Однако, если принцип отправления власти в интересах части общества не может быть признан абсолютным принципом справедливой государственной деятельности, то нельзя ли признать его, по крайней мере, относительно правильным при каких-то условиях? Признавая правоту аргументов Сократа, Полемарх, по существу, соглашается, что в абсолютном смысле его принцип не выдержал критической проверки, но продолжает настаивать на его применимости в реально существующем обществе, разделенном на «друзей» и «врагов», между которыми фактически ведется борьба. Сократ не согласен и с этим. Но так как при данных конкретных условиях нельзя уже сослаться на логическую несостоятельность принципа, он ссылается на его нравственную недопустимость. Власть в лице ее носителей не может иметь своими сторонниками («друзьями») только нравственно совершенных, справедливых людей. Следовательно, в стане политических противников будут в каком-то количестве находиться весьма хорошие и нравственные люди, которым власть должна вредить в силу своего принципа. Разумеется, такой принцип не заслуживает названия справедливого. В конечном счете, по мнению Сократа, принцип деятельности власти в интересах части общества был бы неприемлем и в том случае, если бы эта часть состояла только из лучших людей. Предположим, мы смогли бы разделить общество на «лучших» и «худших», причем не с точки зрения наших субъективных представлений, личных и групповых интересов, определяющих оценки, а абсолютно объективно, то и в этом случае политическая деятельность в интересах «объективно лучших сил», сопряженная с ущемлением интересов «худшей» части общества, недопустима на принципиальной основе. Причинение вреда определенным членам общества по причине их социального статуса будет вызывать у них ответную враждебную реакцию, толкать на экстремистские акции, т. е. сделает их еще «худшими», будет еще больше обострять социальный антагонизм. Вытекающая из этого необходимость перманентного подавления предполагает тираннические методы отправления государственной власти. Поэтому служение групповым интересам, сопряженное с подавлением всех, не входящих в эту группу, есть по сути дела тирантический принцип¹. Итак, полемарховский принцип отвергается в силу его логической несостоятельности, моральной недопустимости и (самое главное подразумевается) невозможности создать на его основе гармоничное и бесконфликтное общество, являющееся целью всех социальных проектов Платона. Опровержением полемарховского принципа Сократ косвенно утверждает противоположный: власть, чтобы иметь право именоваться справедливой, должна действовать в интересах (на пользу) всех.

Таким образом, рассмотрение полемики между Сократом и Полемархом не в категориях этики, а в категориях политики дает единственную внутренне непротиворечивую и согласующуюся с остальными разделами работы интерпретацию развития платоновской мысли.

¹ См.: Friedlander P. Platon. Bd. II.—Berlin, 1964, S. 45; Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона.— В кн.: Платон. Соч. в 3-х томах. М., 1968, т. 1, с. 51; Алексеев Н. Н. Идея государства.— Нью-Йорк, 1955, с. 59.

² Платон. Соч. в 3-х томах.— М., 1971, т. 3, ч. 1, 332 д. В дальнейшем ссылки даются в тексте, в скобках.

³ Согласился пока с традиционным переводом фразы *En to prospolemein cai en to xuptaschein* — «На войне, помогая сражаться» (332 е).

⁴ По мнению Сократа, подлинным автором утверждения, что «справедливость состоит в том, чтобы приносить пользу друзьям и причинять вред «врагам», мог быть только кто-либо из тиранов (336 а).